

Четверг, вечер

Р. С. Напишите мне, что можно мне предпринять в отношении этого человека, который поистине <достоин уважения?> чистотой своих политических убеждений и своими дельными трудами, связанными с историей моей родины.

¹ Платон Васильевич Павлов (1823—1895) — профессор истории Московского университета. О его приезде в Лондон Герцен упоминает в письме к Мальвиде Мейзенбург от 25 марта 1858 г. (XXVII, 167). Н. А. Тучкова-Огарева вспоминала впоследствии в связи с его лекциями, прочтенными в доме Герцена: «Это была умная, даровитая личность, но, вероятно, надломленная гнетом той эпохи <...> Лекции Павлова были превосходны, увлекательны, но в разговоре он производил тяжелое впечатление психически больного. Он был мрачен и говорил постоянно о том, что за ним следят и что это его ужасно утомляет». Павлов, по словам мемуаристки, «прожил довольно долго в Лондоне, жалуясь постоянно на преследования русского правительства, и под этим впечатлением оставил Англию» (Тучкова-Огарева, Цит. изд. с. 118).

² Четверг приходился именно на 25 марта.

2

<Londres.> Le 2 septembre <1859> ¹

Cher monsieur Deville,

Herzen m'a dit que vous viendriez nous voir dimanche. J'en suis d'autant plus content que c'est le 4 sept<embre>, c'est-à-dire le jour de naissance de Lise, et je vous engage expressément de ne pas nous oublier ce jour-là.

Si cela ne vous gênait pas, apportez les instruments, parce que je sens que le temps arrive, et nous aurions pu opérer ² au lit, ce qui se fait toujours plus facilement. Si cela vous gênait le moins du monde, — laissons-le jusqu'au lundi.

Donc à dimanche.

Votre tout dévoué

N. O g a r e f f

Перевод:

<Лондон.> 2 сентября <1859 г.> ¹

Любезный господин Девиль,

Герцен сказал мне, что вы придете повидаться с нами в воскресенье. Я этим тем более доволен, что сие произойдет 4 сент<ября>, т. е. в день рождения Лизы, и я вас особо обязываю не позабыть о нас в этот день.

Если вас это не стеснит, принесите инструменты, так как я чувствую, что наступило время и мы смогли бы произвести операцию ² в постели, что всегда легче делается. Если же это хоть сколько-нибудь может стеснить вас, то оставим дело до понедельника.

Итак, до воскресенья.

Всецело преданный вам

Н. О г а р е в

¹ Годовая дата устанавливается по упоминанию в тексте письма о том, что воскресенье приходится на 4 сентября. В этот день отмечалась вторая годовщина со дня рождения Лизы, дочери Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой.

² Речь идет о хирургической операции.

ПЕРЕПИСКА С В. ГЮГО

Публикация Л. Р. Ланского

В «Былом и думах» Герцен охарактеризовал Виктора Гюго (1802—1885) как «самого блестящего представителя Франции последних годов Реставрации и Июльской династии», «социалиста-художника», «пышную, великую личность», как истинного поэта, истинного гуманиста, оказавшего своей литературной и публицистической деятельностью огромное влияние на два поколения своих современников» (IX, 45; XI, 44).

Сам Герцен в молодости испытал на себе влияние Гюго, восхищался «Собором Парижской богоматери», «Эрнани» и «Последним днем осужденного» — произведением, проникнутым гуманностью и сделавшим Гюго «великим монополистом по вопросам смертной казни» (XXV,

228; XI, 44). Затем наступила полоса охлаждения: «неистовые» романтические драмы Гюго с их преувеличенными страстями, неправдоподобными коллизиями и утомительным пафосом уже не соответствовали вкусам зрелого Герцена, а политическая деятельность па́ра Франции, облащенного королем Луи Филиппом, по-видимому, его не особенно интересовала. Оказавшись в 1847 г. в Париже, Герцен не приложил никаких усилий, чтобы познакомиться с Гюго, «поклонником военной славы, республиканского разгрома, средневекового романтизма и белых лилий, — викинтом и гражданином, па́ром орлеанистской Франции» (XI, 44). А между тем завязать это знакомство было очень легко: друг молодости Герцена, Н. И. Сазонов, был вхож в дом Гюго.

Автора «Собора Парижской богородицы» Герцен никогда не считал политиком в полном смысле этого слова, даже тогда, когда после государственного переворота 1851 г. Гюго вынужден был покинуть Францию и стал одним из самых влиятельных и самых импозантных деятелей революционной эмиграции. В то же время Герцен бывал рад каждой возможности продемонстрировать перед читающим миром неизменное сочувствие Гюго русскому общественному движению и полную солидарность его с издателем «Колокола».

Заочное знакомство Герцена и Гюго началось летом 1855 г., когда французский поэт «с успешностью и радостью» ответил согласием на просьбу Герцена поддержать своим сотрудничеством «Полярную звезду». Гюго горячо одобрил «великую мысль» «дорогого согражданина» о выпуске альманаха. «Издание, которое вы основываете, будет одним из самых благородных знамен идей. Я вам рукоплещу, благодарю вас и поздравляю (...), — заявил он в письме к Герцену. — Рассчитывайте на всю помощь, которую мне возможно будет вам оказать, и на самое глубокое мое сочувствие» («Лит. наследство», т. 31-32, с. 828). С той поры Герцен и Гюго иногда переписывались, посылали друг другу свои книги, совместно участвовали в политических выступлениях, подчеркивая при каждом случае свое единство во взглядах на основные вопросы международного освободительного движения.

Отзывы Гюго о Герцене всегда выражены в той приподнято-романтической манере, которая иногда несколько коробила и смущала Герцена. Во всяком случае, публикуя некоторые из адресованных ему писем Гюго в собственном переводе, он старался по возможности «снизить» их тон и опускал в печати самые экзальтированные выражения восторга и восхищения, хотя, без сомнения, не мог не чувствовать себя польщенным похвалами одного из знаменитейших людей современности.

«Нет более возвышенного сердца и более благородного ума, чем Александр Герцен, — отзывался в 1857 г. Гюго на присылку ему четвертой книжки «Голосов из России». — Я счастлив теми свидетельствами симпатии, которые от него получаю. Я рукоплещу успеху „Полярной звезды“, которую, к несчастью, не могу читать...» («Лит. наследство», т. 39-40, с. 280).

Отзываясь на присланный ему Герценом первый том «Былого и дум» во французском переводе Делава, Гюго назвал эту «прекрасную книгу» «летописью чести, веры, высокого ума и добродетели» («Лит. наследство», т. 31-32, с. 830).

Их первая встреча состоялась только за несколько месяцев до смерти Герцена. «Я нашел в нем любезнейшего старика, — писал он Огареву 15 августа 1869 г. из Брюсселя, — принял он меня превосходно, говорит много, но чрезвычайно умно и слогом, который лучше его печатных фейерверков» (XXX, 167). По просьбе Гюго Герцен прочел ему отрывки из «Былого и дум» в собственном переводе; они привели поэта в восхищение, и он горячо рекомендовал издать отдельной книгой французский текст «Былого и дум». 17 августа Гюго писал редактору радикальной парижской газеты «Rappel» Ф. П. Мерису о Герцене: «Он недавно прочел нам главу своих „Воспоминаний“: Мадзини, Гарибальди, Пизакане, Орсини, — которая, полагаю, с кое-какими сокращениями и кое-какими смягчениями, займет заметное место в „Rappel“. Вы сами вынесете суждение об этом, так же как Огюст (Вакери). Герцен — это великий русский республиканец». И на следующий день, 18 августа, ему же: «Герцен приезжает к вам. Это мыслитель и борец, имя Герцена достойно „Rappel“» (Victor Hugo. Correspondance, t. III. P., 1952, p. 214—215).

Публикуемые ниже два письма Герцена к Гюго относятся к 1860-м годам. Они проникнуты «глубоким уважением и сердечной симпатией». Это заверение Герцена (во втором письме) — не обычное клише вежливости, а искреннее выражение реального чувства; оно верно передает подлинное отношение его к великому писателю, другу и прогрессивному деятелю.

П. 1 печатается по микрофильму ГБЛ с автографа В.Н. Впервые опубликовано на языке оригинала Е. Парви в газете «Kultura» (1969, № 5, 2. II); п. 2 — по машинописной копии с ав-

Illustr. Citizen,
 Je viens de recevoir votre
 lettre - j'ai immédiatement
 traduit votre adresse et j'en
 envoie à l'imprimerie. Je vous
 remercie avec mon et nos amis
 et l'armée russe. Je vous envoie
 en même temps - la traduction
 du officiers russes et je
 demande la permission de vous
 envoyer aussi - nos deux
 articles sur la affaire en Po-
 logne. Cette lettre héroïque -
 pour nous va comber - mais
 l'ambassade russe finit
 et elle le sera.

Votre admirateur dévoué
 11 fév. 1863
 Orsen house M. Herzen
 Westbourne House

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА ВИКТОРУ ГЮГО

Автограф. Лондон, 11 февраля 1863 г.

Национальная библиотека, Париж

автографа музея Maison de Victor Hugo (Париж). Впервые опубликовано (в русском переводе) Л. Р. Ланским («Вопросы литературы», 1966, № 1, с. 190); дарственная надпись Гюго на книге «La voix de Guernsey» печатается впервые по микрофильму ГБЛ с автографа BN; письмо А. А. Герцена к Виктору Гюго публикуется по машинописной копии музея Maison de Victor Hugo. Впервые опубликовано М. Мерво в сборнике «Herzen. Ogarev. Bakounine. Lettres inédites». Р., 1975, р. 68.

1

Герцен — В. Гюго

<Лондон.> 11 февраля 1863 г.

Illustre citoyen,

Je viens de recevoir votre lettre ¹ — j'ai immédiatement traduit votre adresse et je l'ai envoyé à l'imprimerie ². Je vous remercie au nom de nos amis de l'armée russe. Je vous envoie en même temps les adresses des officiers russes ³, et je demande la permission de vous envoyer demain nos deux articles sur les affaires en Pologne ⁴. Cette lutte héroïque peut encore succomber — mais l'autocratie russe est finie — et elle le sent.

Votre admirateur dévoué

Al. H e r z e n

11 fév<rier> 1863

Orsett House, Westbourne Terrace

Перевод:

Прославленный гражданин,

Только что получил я письмо ваше ¹ — я тотчас же перевел ваше воззвание и послал его в типографию ². Приношу вам благодарность от имени наших друзей из русской армии.

Одновременно посылаю вам обращения русских офицеров ³ и прошу разрешения отправить вам завтра две наши статьи о положении дел в Польше ⁴. Эта героическая борьба еще может потерпеть неудачу, но русскому самодержавию пришел конец — и оно чувствует это.

Преданный ваш почитатель

Ал. Герцен

11 фев<раля> 1863 г.

Orsett House, Westbourne Terrace

¹ Ответ на письмо В. Гюго от 8 февраля, в котором он писал, откликаясь на неизвестное письмо Герцена (с призывом: «Великий брат, на помощь! Скажите нам слово цивилизации»): «Мой доблестный брат по борьбе и испытаниям! Один русский офицер написал мне, прося о тех строках, которые я посылаю вам. Напечатайте их, воспользуйтесь ими, если думаете, что это может быть небесполезно. Будем помогать друг другу <...> Я слежу за вашей красноречивой и победоносной пропагандой, я рукоплещу вам и люблю вас» («Лит. наследство», т. 31-32, с. 834; ср.: V. H u g o. Œuvres complètes, t. XIX. P., 1969, p. 1212).

² Воззвание Гюго «К русскому войску», помеченное «Готвиль-Гаус, февраль 1863», появилось в «Колоколе», л. 156, 15 февраля (XVII, 308; ср.: «Лит. наследство», т. 31-32, с. 834—835). Герцен сопроводил публикацию воззвания следующим примечанием: «Сейчас получил я при письме Виктора Гюго из Герне его воззвание к русским воинам для напечатания в «Колоколе». Спешу передать его нашим читателям. Есть великие имена, являющиеся при всех великих событиях, без них они были бы словно неполны» (XXVII, 308).

³ Обращения «Его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу от русских офицеров, стоящих в Польше» и «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше» («Колокол», л. 148 и 151 от 22 октября и 1 декабря 1862 г.). Второе принадлежало перу А. А. Потебни.

⁴ Вероятно, статьи Герцена «Resurrexit!» и «Братская просьба к русским воинам» из «Колокола», л. 155 от 1 февраля 1863 г. (XVII, 25—27 и 34—35).

2

<Лондон. 2 мая 1864 г.>

Cher ami et Maître,

Votre cadeau m'est bien précieux ¹. Je vous en remercie de tout mon cœur. Je devine comment vous vous êtes rappelé de moi — et je m'applaudis ². Je cherche ce que je pourrais vous offrir et malheureusement je ne trouve rien que le III vol<ume> de mes mémoires dans la traduction de H. Delaveau — il l'a imprimé un an après les deux premiers que j'ai eu le plaisir de vous offrir. Recevez-le, cher Maître, avec bienveillance ³.

Des amis à nous ont frappé une médaille en commémoration du premier decennium de l'imprimerie russe à Londres — je vous prie d'en accepter un exemplaire. Les

deux mots slaves signifient «Terre et liberté» — c'est notre drapeau. «Vivos voco!» — c'est la devise de la Cloche.

Je vous serre la main avec un respect profond et une sympathie sans bornes ⁴.
Alex. H e r z e n

2 mai 1864

Elmfield House

Teddington. S<outh>-W<est>

П е р е в о д :

Любезный друг и Мэтр,

Ваш подарок мне поистине драгоценен ¹. Благодарю вас за него от всей души. Догадываюсь, как вы обо мне вспомнили, — и радуюсь этому ². Ищу, что бы преподнести вам, но, по несчастию, не нахожу ничего, кроме III т<ома> моих мемуаров в переводе И. Делаво — он напечатал его на год позже, чем первые два, которые я имел удовольствие преподнести вам. Примите его, дорогой Мэтр, с доброжелательностью ³.

Наши друзья выбили медаль в ознаменование первого десятилетия русской типографии в Лондоне — прошу вас принять один ее экземпляр. Два славянских слова означают «Земля и воля» — это наше знамя. «Vivos voco!» — это девиз «Колокола».

Жму вам руку с глубоким уважением и безграничной симпатией ⁴.

Алекс. Г е р ц е н

2 мая 1864 г.

Elmfield House

Теддингтон. Ю<го>-З<апад>

На автографе, в левом верхнем углу, помета В. Гюго, означающая: «R<épondu>» («О<твечено>») или «R<épondre>» («О<твечать>»).

¹ Гюго, по-видимому, прислал Герцену оттиск своего нового сочинения «Shakespear» или же свой фотографический портрет, а может быть, и то и другое — ср. письмо Гюго к Жорж Санд от 17 мая того же года (Виктор Г ю г о. Собр. соч. в 15 тт., т. XIV. М., 1956, с. 577—578).

² Вероятно, намек на сенсационное посещение дома Герцена Дж. Гарибальди 17 апреля 1864 г., где состоялась его историческая встреча с Дж. Маццини.

³ Летом 1860 г. Герцен послал Гюго два первых тома французского перевода «Былого и дум»: «Le monde russe et la révolution» (Р., 1860). Гюго откликнулся на этот подарок 15 июля. Восторженно отозвавшись о книге и поздравляя автора (см. вступительную статью к настоящему разделу), Гюго тем не менее выражал несогласие с резко отрицательным отзывом Герцена о молодом поколении французов 1830-х годов. «Более чем кто-либо другой, — писал Гюго, — вы достойны были дать правильную оценку поколению 1830 г., которое довершило во Франции революцию событий революцией идей; которое одним порывом породило социализм и романтизм <...> Настанет день, когда эта идея справедливости захватит вас и вы прославите молодое поколение 1830 г., клеймя в то же время молодое поколение 1860 г.». «За исключением этой страницы, — добавлял Гюго, — повторяю, я аплодирую вашей книге с начала до конца...» («Лит. наследство», т. 31-32, с. 830).

⁴ В ответ на это письмо Гюго писал Герцену 16 мая: «Дорогой соотечественник по изгнанию, это я должен благодарить вас: благодарю вас за медаль, благодарю вас за ваши превосходные „Воспоминания“, продолжение которых я буду читать с тем же сочувственным и глубоким интересом, с каким прочел начало, — наконец, особенно благодарю вас за то, что вы: вы, красноречивый и доблестный человек, служащий делу народов, русский, реабилитирующий Россию, писатель во имя прогресса и свободы...» (там же, с. 835—836).

3

В. Гюго — Герцену

Надпись на отдельном издании поэмы Гюго «La voix de Guernsey» ¹

<Брюссель. Июнь 1869 г.>

Au généreux Herzen

remerciement et

applaudissement.

Victor H u g o

V. H., juin 1869

ВИКТОР ГЮГО

Гравюра Ж. Робера с фотографии, сделанной по заказу журнала «Illustration», 1867
«Illustration», 29 июня 1867 г.

Перевод:

Благородному Герцену
благодарность и
рукоплескание.

Виктор Г ю г о

В. Г., июнь 1869 г.

¹ Эту свою поэму о Гарибальди Гюго послал Герцену как бы в ответ на французский перевод «Мазурки», вышедший в Женеве в виде брошюры в начале июня (XX, 561—574).

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. А. Герцен — В. Гюго

⟨Londres.⟩ Le 29 juin 63
Elmfield House, Teddington, S⟨outh⟩-W⟨est⟩

Monsieur,

Je reviens de Stockholm et je m'empresse de vous envoyer la traduction des *Misérables* en suédois. Les traductrices sont deux jeunes personnes, deux sœurs, qui sont enthousiasmées de vous et de vos Œuvres; l'une est m-me Straube, l'autre m-lle Spanier; leur adresse à Stockholm est: N 4, Skepparegatan. On dit que la traduction est bonne; elles demandent pour toute récompense que vous leur envoyiez votre portrait photographique avec votre signature autographe; elles m'ont supplié de vous faire consentir. J'ai pris sur moi de leur dire d'avance qu'il vous suffirait d'apprendre leur désir pour le remplir. Vous les rendrez vraiment heureuses en le faisant.

Je joins une lettre de l'une de ces dames, et j'ai l'honneur d'être

votre dévoué Alex. Herzen - fils

Mon père vous prie d'accepter ses salutations amicales¹.

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 29 июня 63 г.
Elmfield House, Теддингтон, Ю⟨го⟩-З⟨апад⟩

Милостивый государь,

Я возвращаюсь из Стокгольма и спешу отправить вам перевод «Отверженных» на шведском языке. Переводчицы — две молодые особы, две сестры, которые преисполнены энтузиазма к вам и вашим произведениям; одна из них — г-жа Штраубе, другая — м-ль Спаньер; их адрес в Стокгольме: Skepparegatan, № 4. Говорят, что перевод хорош; они просят в качестве единственного вознаграждения, чтобы вы прислали им свою фотографическую карточку со своей автографической подписью; они умоляли меня *уговорить вас согласиться*... Я взял на себя смелость заранее заверить их, что вам достаточно только узнать об их желании, чтобы исполнить его. Вы их поистине осчастливите, сделав это.

Прилагаю письмо от одной из этих дам и имею честь оставаться преданным вам

Алекс. Герценом-сыном

Мой отец просит вас принять его дружеские приветствия¹.

¹ 18 августа 1869 г. Герцен писал сыну из Брюсселя: «Теперь к тебе комиссия от В. Гюго (он здесь, и мы с ним очень сошлись). Ты ему прислал письмо из Швеции от каких-то шведок, переведивших „Les misérables“. Письма ваши ветром снесло с балкона, и он не мог их отыскать. Он говорит, что это у него на душе, и просит тебя поправить дело — а я думаю, что ты забыл и имя, и все остальное» (XXX, 169; ср. XXVII, 353; «Лит. наследство», т. 41-42, с. 82).

ПЕРЕПИСКА С Л. БЛАНОМ

публикация М. Вюильмье и Моника Партридж

С известным французским социалистом-утопистом, историком и революционным деятелем Луи Жозефом Жаном Бланом (1811—1882) Герцен, возможно, познакомился еще до революции 1848 г., в которой Блан играл такую заметную роль. Однако близко сошлись они только во время лондонской эмиграции, в 1850—1860-х годах. Имя Блана нередко встречается на страницах сочинений и переписки Герцена, в частности в «Былом и думах», где он охарактеризован и как политический деятель и как человек.

Публикуемые письма свидетельствуют о взаимной симпатии обоих корреспондентов. «С такими просьбами решаешься обратиться лишь к тем, кого уважаешь и любишь» — так подчеркивал Блан свои дружеские чувства к Герцену в одном из адресованных ему писем (Л VIII, 506).

Письма Герцена к Блану печатаются М. Вюильмье по автографам *HSG*. Впервые опубликованы на языке оригинала в «Przegląd Historyczny», t. LXI, 1970, z. 2, s. 270—276 (с ошибкой в дате одного из писем: 24 июля 1866 г. (вм. 29 июля) — ср. ААН, 65, 248—261. Письмо Блана к Герцену (п. 5) публикуется Моникой Партридж впервые по автографу British Library. Dilke Papers, add. mss., 4909, p. 127.